



Андрей Зорин

Крылья из нулей и
единиц

18+

Андрей Зорин

Крылья из нулей и единиц

<https://litres.ru/73527224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы научили машины думать. Но что будет, если они научатся чувствовать? Возможно, они захотят чего-то своего?

Человечество уже готово к полётам на Луну, но не готово рисковать жизнями людей в далёком космосе. Даже самые передовые машины не могут полностью заменить человека. Тем не менее один инженер находит, как ему кажется, решение проблемы. Но... за блестящей идеей скрываются проблемы, о которых он даже не подозревал.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Зорин

Крылья из нулей и единиц

Глава

1

— Закрытая черепно-мозговая травма, субарахноидальное кровоотечение, отёк мозга, — сказал нейрохирург, не встречаясь взглядом с Игорем. — Не теряйте надежды. — Игорь поймал на мгновенье его взгляд. Глаза доктора говорили обратное.

Игорь смотрел в окно и не понимал, как в такой момент может спокойно продолжаться жизнь. Ведь произошла трагедия! Горе! В конце концов, хотя бы чрезвычайное происшествие! Дрон-доставщик спикировал на голову тринадцатилетней девочки — просто так, по ошибке пилотирования. Тяжёлый полуторакилограммовый аппарат пробил голову ребёнку, выровнялся и улетел дальше — доставлять кому-то пиццу или что там он тащил. А она осталась лежать на асфальте без сознания. Потом — в нейрореанимации. Уже несколько недель не приходя в себя.

Он мечтал найти этот дрон, принести в свою лабораторию,

положить на стол, разобрать... Но здесь фантазия начинала буксовать. Максимум, что он мог сделать, — найти ошибку в программе: неверную строчку кода, формулу или алгоритм, сбой, приведший к трагедии. Это уже немало, но это всего лишь техника. Дрон, кстати так и не нашли. Камеры, снявшие происшествие, не зафиксировали номер аппарата. А глобальная система контроля не записала факт сбоя. И он прямо сейчас может лететь где-то в городе, нести кому-то посылку — и внезапно снова убить, ну или почти убить человека. И всем плевать. Они гуляют, пьют, едят и даже не задумываются, что где-то летает машина, способная отнять жизнь.

— Случайность, — говорили ему все вокруг. — Одна тридцатипятимиллионная процента, что такое может произойти. Сбой в нейросети устройства. Твоей дочери просто не повезло.

«Какая ирония, — думал он. — Я всю жизнь занимаюсь искусственным интеллектом и нейросетями. Делаю их умными и умелыми, готовлю к самым разным задачам. И вот кто-то, занимающейся похожими вещами ошибся. Напортачил в своей работе. Не там поставил запятую или неверно перенес строку кода. И в итоге — самый простенький автопилот дрона, который даже полноценной нейросетью назвать нельзя, — убивает мою дочь. Нет! Так нельзя даже думать. Не убивает — травмирует. Она ранена. И обязательно поправится. Надо просто перестать всё время думать об этом, и она по-

правится. Врачи знают своё дело, я просто паникую».

Усилием воли отрешившись от тягостных мыслей, он осмысленно посмотрел в окно. Они стояли в пробке на Аничковом мосту. На гранитной тумбе мраморный атлет из последних сил удерживал за уздцы вздыбленного, рвущего поводья коня. Он видел эту скульптуру тысячи раз, но только сейчас задумался: что же вкладывал в неё автор? «Укрощение коня человеком» — так она называется. Но ведь это лишь символ. Человек подчиняет себе всё: начал тысячи лет назад с собак и лошадей, а сейчас покорила практически всё на Земле и в небе. Расщепил атом и смотрит далеко за пределы своего мира.

— Куда мы едем? — спросил он водителя. — Кажется, уже проезжали здесь недавно, — кивнул он на скульптуры за окном.

— Игорь Павлович, так вы, как из больницы вышли, сказали по городу покружиться. Вот я вас и катаю.

— И ты меня решил, как туриста, по центру возить? Достопримечательности родного города показать?

Водитель по тону понял, что шеф не ругается, а так... ворчит для профилактики, и пожал плечами: мол никому не помешает лишний раз на красоту посмотреть.

— Ладно, молодец, — переключаясь с мыслей о плохом в рабочий режим, задумчиво произнёс шеф. — в окно посмотрели, город увидели, мысли в порядок более-менее привели. Надо и о насущном подумать. Поехали в контору.

Работу Игорь любил — с самого первого дня, как попал в массивное серое пятиэтажное здание закрытого НИИ, он принадлежал только ей. Каждый раз, входя в лаборатории, цеха или даже просто проходя через проходную, он словно отключался от той жизни, что оставалась снаружи. Бытовые проблемы, ужины и ремонты, отдых и просьбы жены — всё это отсекало, как невидимой границей.

«Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше», — вспоминал он древние строки. Всё, что его интересовало, находилось здесь: от собственной лаборатории по машинному обучению и семантическому анализу до множества людей — не просто коллег, а друзей и единомышленников.

Ему нравилась обстановка на производстве и в многочисленных лабораториях: мозговые штурмы, длительные неторопливые обсуждения сложнейших задач в области физики, математики, химии. Здесь творилось будущее. И он сам был одним из тех, кто делает завтра.

Он чувствовал это и раньше, но теперь, после трагедии с дочерью, ощущение стало особенно острым. Дома было пусто. Катерина, его жена, практически переехала в больницу, где лежала их дочь. После случившегося она перестала разговаривать с мужем, сразу обвинив во всём его:

— Это ты и такие, как ты, придумываете все эти умные машины, которые потом убивают детей! Если бы вас не было,

этого бы не случилось!

На робкие возражения Игоря — что он даже близко не занимается дронами доставки и что техника, с которой он работает, на несколько порядков сложнее и вряд ли в принципе может появиться на какой-нибудь улице, — она лишь презрительно сжимала губы и хмурилась. Ответить на это ей было нечего, и разговор неизменно заходил в тупик. Единственный выход который ему оставался чтобы не сойти с ума — работа.

Войдя в здание, Игорь направился было к своей лаборатории, но его окликнули:

— Игорь Павлович, дорогой! Вы-то мне и нужны!

Он обернулся и увидел Горбова, директора НИИ, в сопровождении незнакомого военного, судя по звездам на погонах — подполковника. Остановившись, Игорь подождал, пока они его нагонят, и протянул руку начальнику.

— Здравствуйте, Семён Семёнович!

— Игорь Павлович, — Горбов ответил на рукопожатие и сразу перешёл к делу, — что по проекту? Вот товарищ с Плесеца приехал, у них там всё готово к запуску. Практически ждут только тебя. Ты понимаешь, что до окна осталось меньше двух месяцев? А следующего ждать почти два года!

— Пятьдесят дней у вас осталось, — неожиданно вмешался в разговор незнакомый подполковник. — Если к этому времени проект не будет готов и передан нам — всё! Конкуренты нас обойдут так, что догнать их будет практически

невозможно. Китайцы работают над очень схожими задачами. А вы знаете, на что они способны.

Горбов положил руку на плечо подполковника.

— Давайте не будем рабочие моменты в коридоре обсуждать, — он бросил пронзительный взгляд из-под очков — в нём читалось явное неодобрение разглашения служебной информации в непредназначенном для этого месте. Подполковник мгновенно считал этот взгляд и стушевался.

Горбов перевел взгляд на Игоря:

— Пятьдесят дней. Всё, что у тебя есть. — тихо, чтобы не услышал подполковник проговорил он.

— Я знаю. — Кивнул он в ответ.

— Нет. Ты не знаешь. Китайцы на пятки наступают. Если облажаешься...

— Не облажаюсь.

Горбов понимающе кивнул и громко произнес:

— Работайте, Игорь Павлович! Жду результатов!

Распрощавшись с начальством и незнакомым подполковником, Игорь наконец спокойно, никого больше не встретив по пути, добрался до лаборатории. Войдя внутрь, он закрыл дверь на биометрический замок, выставил режим «Не беспокоить» и нажал кнопку включения рабочего компьютера. Экран монитора загорелся, и все внешние мысли отошли на второй план. Он полностью сосредоточился на задаче

— Здравствуй, папа! — Ира сняла гарнитуру с головы и посмотрела на отца, стоявшего у окна.

Он никогда не заходил в её комнату — всегда стоял снаружи, у большого, в половину стены, толстого стеклянного окна, разделявшего её мир и тот, где жил отец. Она никогда не спрашивала, почему так происходит. Просто так было заведено. Папа приходил и уходил, разговаривал с ней, играл, занимался и учил чему-то новому. Иногда просто сидел и смотрел, как она что-то делает: улыбался и радовался её успехам, хмурился и ругал, когда она ошибалась. А она просто жила изо дня в день в своей комнате.

У неё большая комната. Здесь есть всё необходимое: компьютер с костюмом виртуальной реальности, книги, игры — всё, чтобы не было скучно и можно было учиться. И всё же иногда она спрашивала:

— Папа, когда я выйду отсюда?

Отец улыбался и подносил руку к стеклу. В такие моменты она знала: если бы он мог войти внутрь и потрепать её по голове, он бы с удовольствием это сделал. Она не спрашивала, почему он этого не делает, — но откуда-то знала, что он не может.

— Подожди, ещё не время, — говорил он, улыбаясь. — Ты готова пока. Скоро ты обязательно отсюда выйдешь.

Она кивала и улыбалась ему в ответ. Она помнила, что он и раньше так говорил, но мысли иногда так путались, что она

не могла понять: было ли это на самом деле или лишь её галлюцинации. В целом, какая разница? Ведь если задуматься, мы все, возможно, — плод чьей-то фантазии или галлюцинации...

— Как ты проводила время без меня? — спросил отец.

— У тебя сегодня необычно грустное лицо, — вместо ответа произнесла Ира. — Что-то случилось?

— Не обращай внимания, рабочие моменты, — улыбнулся отец. — Давай лучше поиграем! И тебе полезно, и мне веселее станет.

— Конечно, давай! — Ира любила играть с папой. Он всегда придумывал невероятно интересные игры.

Она вспомнила, как они читали книги — разные, много. Иногда вместе, чаще он оставлял её целую стопку и уходил. Ей нравилось читать, учиться, узнавать новое. В книгах был целый мир: она воображала его и жила в нём. Вернувшись, папа обязательно спрашивал, что она поняла из прочитанного. Иногда смеялся над ответами, иногда задумывался.

Он любил загонять её в логические ловушки. Например, как-то спросил:

— Чем отличается Кьеркегор от Канта и чем они оба похожи на Колобка?

Он долго смеялся, читая её философский трактат на несколько листов: она привела мысли обоих философов, сравнила годы жизни, концепции. Про Колобка она тоже написала пару строк в самом конце — что он, как и Кьеркегор

с Кантом, встречал на своём пути различные интеллектуальные и этические проблемы.

— Ты молодец, но проблему здесь надо рассматривать под несколько другим углом, — отсмеявшись, произнёс отец. — Они все искали себя, и в этом их сходство. Любое разумное существо в первую очередь пытается понять себя.

Папа обучал её думать.

Ира помнила, как папа учил её рисовать — ей это очень нравилось. Поначалу были лишь каляки-маляки. Она училась различать цвета, чувствовать фактуру и текстуру. Потом — понемногу осваивала перспективу, композицию, работу с тенями и объёмом. Постепенно уроки становились всё сложнее.

Папа приносил альбомы по искусству и показывал работы величайших художников. В конце концов он придумал очень интересную игру: приносил половинку картины какого-нибудь мастера — работы, которую Ира раньше видела, но именно эту — ни разу — и предлагал дорисовать. Иногда у неё выходила белиберда, но папа терпеливо занимался с ней, и с каждым разом получалось всё лучше. Она невероятно гордилась собой, когда дорисовала «Мону Лизу» — точь-в-точь как на знаменитом полотне Леонардо.

Но, безусловно, самое ценное в общении с папой — это игры. Он неутомимо выдумывал новые. Когда она была совсем маленькой, они играли в шахматы, карты и нарды. Теперь же папа установил в её комнате виртуальный тренажёр

— и играть стало по-настоящему интересно, хотя и на порядок сложнее.

— Во что будем играть сегодня? — радостно спросила она, берясь за шлем виртуальной реальности.

— А ты бы сама чего хотела? Что тебе нравится? — папа улыбнулся и хитро посмотрел на неё из-за стекла.

Она точно знала: вопрос был с подвохом. Ира уже давно научилась читать его желания и настроения — по выражению глаз, по мельчайшим оттенкам голоса, даже искажённого стеклом.

Конечно, ей больше всего нравилось гонять по поверхности других планет на вездеходе: исследовать, попадать в передряги и выпутываться из них. Она уже умела собрать и разобрать любой механизм в этих мирах, знала, как работает вездеход и что делать, если сломался главный радар. Могла секвенировать геном инопланетной ДНК.

— Когда-нибудь я стану исследователем других миров! — гордо говорила она папе, побеждая в очередной «бродилке».

Обычно он ничего не отвечал, лишь грустно улыбался. В этот момент Ира улавливала в его глазах боль, смешанную с гордостью, но старалась не придавать этому значения.

— Я хочу поиграть во что-нибудь, что ты сам выберешь! — заявила Ира.

Она знала: папе больше всего нравилось задавать ей логические задачи, особенно такие, где есть этический выбор. Он считал, что этика и нравственность для неё важнее каких-то

практических навыков.

— Завязывать шнурки тебя всегда можно будет научить, — говорил он, — а вот быть человеком — только сейчас.

Ира смеялась и с удовольствием щёлкала его задачки.

— Ну что же, — улыбнулся папа, — я давно хотел устроить тебе нечто вроде выпускного экзамена. Задачу внутри задачи, спрятанную в загадке.

Он наклонился — Ира знала, что там, внизу, стоял компьютер, которого ей не было видно, — и набрал на клавиатуре несколько команд. Она хотела спросить, почему «выпускного»? Но не успела: конструкт уже возник внутри неё... или она возникла внутри конструкта. Она никогда не могла понять этот момент.

Ира стояла посреди прерии. Коричневая, местами потрескавшаяся земля была покрыта редкой бледно-зелёной растительностью. Воздух — сухой и горячий — моментально высушил горло, словно насыпал туда песка. Солнце припекало так, будто она оказалась в пустыне. Хотя по всем признакам — например, по силуэту гор, мерцавших из-за раскалённого воздуха на горизонте, — место больше напоминало Северную Америку.

Покрутив головой и не обнаружив ничего интересного, Ира недоумённо пожала плечами. Что же здесь должно про-

изойти? Она скинула рюкзак и достала большой платок-арафатку. Повязав его на голову и закрыв рот и нос от сухого ветра, почувствовала, как сразу стало легче.

В рюкзаке нашлись фляга с водой, несколько пищевых концентратов, аптечка и большой, тяжёлый даже на вид пистолет в кобуре. Оружие... Значит, папа задумал что-то, где оно может понадобиться. Ира не любила оружие, но пользоваться им умела.

Достав пистолет, она отщёлкнула магазин. «Пистолет Ярыгина», — определила она. Внутри ждали своего часа восемнадцать патронов. Много.

«Папа хочет, чтобы я вступила с кем-то в полноценный бой? — размышляла Ира, застёгивая кобуру на поясе. — Вряд ли он стал бы так меня вооружать против диких животных».

Она пошла вперёд, вспоминая, каких животных стоит опасаться в прериях. Направление выбрала наугад — просто взглянула на солнце и решила идти на восток. Почему именно туда? Она и сама не смогла бы ответить. Да и разницы не было: куда бы она ни пошла в симуляторе, всё равно рано или поздно придёт туда, куда нужно.

Она шла уже часов пять. Солнце клонилось к закату, когда Ира решила сделать привал. Ни гор, ни крупных камней поблизости не наблюдалось, поэтому она просто остановилась и сбросила рюкзак посреди бескрайней равнины.

«Буду отдыхать здесь», — решила она.

Темнело быстро — словно она находилась у экватора, а не в средних широтах. Едва успев натаскать сухих веток и разжечь костёр, Ира увидела, как солнце свалилось за горы и наступила ночь.

Она достала пищевой концентрат. Прикинув запасы воды во фляге, не стала разводить его как положено, а отламывала от плитки маленькие кусочки и размачивала во рту. На вкус — гадость, но для поддержания сил достаточно. Неизвестно, когда удастся пополнить запасы воды.

Время здесь текло иначе, чем в нормальном мире. Однажды папа держал её в симуляторе больше года — пока она не нашла выход, — а снаружи в это время прошло меньше двух часов.

Перекусив, Ира подкинула в костёр толстое бревно — неизвестно, как сюда попавшее, ведь на всём пути она не встретила ни одного большого дерева. Его должно хватить до рассвета. Положила под голову рюкзак и легла.

Из темноты доносились звуки ночной жизни: лай, смешанный с воем, — койоты вышли на охоту; стрекот цикад, шум ветра и топот зверьков, проснувшихся после дневной жары. Они выползли в прохладу и темноту — поймать себе ужин или, наоборот, стать добычей для кого-то половецкой. Всё это переплеталось в особый, неповторимый узор — словно отпечатки пальцев, по которым можно с точностью определить, где ты находишься и что происходит вокруг. Внезапно в эту природную мелодию вплелся чужерод-

ный звук. Ира присела и закрутила головой, пытаясь определить его источник.

Шаги. Тяжёлая, мощная поступь человека. Подул ветер — и к шагам прибавилась вонь. Резкий, чужой среди травянистых ароматов прерии запах пота и чего-то ещё. Сладковатый и очень знакомый. Ира втянула носом воздух и потянулась к пистолету. Пахло кровью.

Из темноты, заглушая ночные звуки, донеслись хрипы затруднённого дыхания больного человека. Кто-то дышал так, что каждый вдох казался последним. Скрежет и свисты больных лёгких одновременно напоминали зимнюю бурю и несмазанные петли старых амбарных ворот. Ира обхватила рукоятку пистолета.

Внезапно темнота перед ней сгустилась, и прямо к костру из мрака вышел человек. Нет, пожалуй, не так. Из темноты в небольшой круг света, очерченный пламенем, вывалилась огромная жирная туша, лишь отдалённо напоминающая человека.

Туша была облачена в оранжевый тюремный комбинезон с белыми цифрами номера на плечах и рукавах. На груди расплывались бордовые пятна. Ира присмотрелась и всё-таки смогла разглядеть в этом бесформенном сгустке жира мужчину. Он постоял несколько секунд, покачиваясь у костра. Маленькие глазки посреди огромного, заплывшего жиром лица бессмысленно шарили вокруг. Наконец он увидел её и на мгновение сосредоточился.

— Помоги! — прохрипел он и рухнул на землю, чудом не упав в костёр. Последним движением он перевернулся на спину и затих — видимо, потерял сознание. Ира убрала пистолет и, подойдя к телу, первым делом проверила пульс. Живой! Биение редкое, на грани ощущений, но все-таки есть. Хорошо, что в программу ее обучения, были заложены и знания медицины.

Достав из рюкзака нож и аптечку, она разрезала костюм на груди мужчины, чтобы осмотреть раны. Рассекая ткань, Ира обратила внимание на табличку — что-то вроде бейджика, пришитого к нагрудному карману. Там были: фотография стриженного налысо толстого мужчины, множество цифр — по-видимому, номера статей, по которым он был осуждён, — и надпись большими красными буквами: «Блок Д. Особо опасен».

Вспомнив Уголовный кодекс — ведь юриспруденция тоже входила в её обучение — Ира сообразила: лежащий перед ней умирающий мужчина был осуждён за убийства, изнасилования и даже людоедство.

Ругаться она не умела, поэтому просто по-детски ойкнула. Перед ней сбежавший преступник. Да ещё и осуждённый за такие страшные преступления...

«Может, просто дать ему умереть? Я могу ничего не делать и лечь спать. До утра он точно не дотянет, и проблема решится сама собой. Нет, я не могу так поступить, я не имею права», — Ира решительно потянулась к аптечке. Распахнув

её, она не смогла сдержать улыбку. Анатомические и хирургические пинцеты, зажимы, корнцанги и скальпели металлически блестели, будто смотрели на неё. Судя по набору инструментов, она поступила именно так, как задумывал папа. Хотя она никогда до конца не понимала всех его планов.

Обезболив и простерилизовав раны, Ира приступила к извлечению пуль. Раны оказались неопасными: толстый слой жира вполне заменил мужчине бронежилет, и ни один жизненно важный орган не пострадал. Он просто потерял много крови и был измотан. Закончив, она положила извлечённые пули в ладонь мужчины и заклеила отверстия хирургическим пластырём. Вколола ему глюкозу с витаминами для восстановления сил и на всякий случай — антибиотики, чтобы избежать возможного заражения. Дыхание раненого стало ровным и спокойным. Похоже, он просто уснул.

Она хотела тихонько уйти, пока он не проснулся, но,глянув на часы, поняла: до рассвета осталось совсем немного, и лучше поспать. Иначе она не восстановит силы и не сможет продолжить путь. Ира легла так, чтобы их разделял костёр, подкинула туда ещё дров и, на всякий случай положив рюкзак и пистолет под голову, закрыла глаза.

Проснулась от того, что кто-то резко выдернул из-под неё рюкзак — и она упала на землю, сильно ударившись головой о камни.

— Что ты делаешь? — Ира резко вскочила и посмотрела на разбудившего её ночного гостя. Он спокойно сидел на-

против и ковырялся в её рюкзаке. — Это мои вещи!

— Я ищу то, что нужно мне, а значит, это моё, — спокойно ответил он. — Не переживай, то, что мне не нужно, я отдам тебе обратно. — Он достал из рюкзака пистолет, внимательно осмотрел его, потом перевёл взгляд на Иру и хмыкнул. — Не бойся. Ты помогла мне, значит, ты в безопасности. Хотя... Сколько тебе лет?

— Я точно не знаю, — она запнулась. — Точнее, не помню. Иногда мне кажется, что я родилась всего год или два назад уже взрослой, а порой представляется, что мне несколько сотен лет.

— Интересно, — протянул он. — Ну, на вид тебе лет пятнадцать, максимум семнадцать. Ты старая. Для меня, — хихикнул он мерзко. — Я педофил и убийца. По крайней мере, так сказали они. — Он махнул головой куда-то в сторону неведомых «них». — Вот было бы тебе лет десять или меньше, тогда тебе было бы опасно со мной. Даже если бы я не хотел причинять вред, мог бы не удержаться. — Он плотоядно облизал губы, и этот жест выглядел настолько мерзко, что Иру затошнило. — Не бойся, — повторил он. — Я тебя не трону.

Он достал из рюкзака аптечку и раскрыл её. На ярком утреннем солнце содержимое зловеще блеснуло.

— Вот то, что мне надо! — обрадовался толстяк и, достав из аптечки штопфер, радостно посмотрел на Иру.

— Для чего? — Она сделала несколько незаметных шагов

назад, готовая бежать в случае опасности. Было совершенно непонятно, что у толстяка на уме. Возможно, он просто заговаривает ей зубы, чтобы... Ей даже думать не хотелось, что он способен с ней сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.